

Новая Польша 9/2005

0: О «КУЛЬТУРЕ»

14 сентября исполняется пять лет со дня двойной кончины

— журнала «Культура» и его основателя и бессменного редактора Ежи Гедройца

«Литературный институт» («Институт литерацкий», так называлось издательство, которое кроме самой «Культуры» выпускало также «Зешиты хисторичне» — «Исторический тетради» — и, естественно, книги) прочно обосновался в подпарижском городке Мезон-Лаффит, откуда и взялось название, под которым журнал был всем известен: парижская «Культура». Там жил и работал маленький коллектив, собравшийся вокруг Ежи Гедройца. Их дом, как написал один из лучших авторов «Культуры» Константы Еленский, имея в виду трудные условия жизни, представлял собой «нечто среднее между кибуцем, монастырем и фаланстером».

Гедройц был первым главным редактором «Культуры» и оставался на этом посту до самой смерти. Можно сказать, что он был редакционным самодержцем, обладавшим, как он сам о себе говорил, «аподиктической настроенностью». Относительно редакции и своей роли в ней Гедройц не оставлял ни малейших сомнений. «В редакцию, — ответил он как-то на вопрос журналиста, — входят редактор Ежи Гедройц, редактор Гедройц Ежи, Ежи Гедройц, главный редактор, Гедройц, Ежи и другие члены редакции «Культуры»». Но именно эта «настроенность» позволила ему в таких условиях и с таким малым числом сотрудников совершить тот огромный труд, каким было издание журнала, выходившего больше полувека, книг, «Исторических тетрадей», специальных номеров на русском, немецком, белорусском, чешском и словацком языках.

В свой вершинный период «Культура» выходила тиражом около 7 тыс. экземпляров и имела подписчиков почти во всех некоммунистических странах. В коммунистические страны, главным образом, конечно, в Польшу (хотя отчасти и на Украину и, вероятно, в Россию), она тоже доходила, но нелегально, контрабандой и... бесплатно, что ложилось серьезным грузом на бюджет издательства. К этому следует прибавить издание книг, занятие необходимое, но обычно неприбыльное. Единственным исключением было издание «Доктора Живаго», который разошелся тиражом 15 тыс. экземпляров.

Гедройц сам, собственно говоря, не писал. «Редактор, — говорил он, — не должен писать в своем журнале. Редактор — это режиссер. А режиссеры редко бывают хорошими актерами». Но, что оказалось важнее всего, его трудности с писанием и, как ныне говорят, «коммуникацией», превратились в высочайшие редакторские достоинства. То, что он сам, за малыми исключениями («Заметки редактора»), не писал, дало ему огромную свободу открывать и верно оценивать таланты у других. То, что мешало ему в непосредственных контактах с людьми, привело к тому, что он написал колоссальное количество писем. Наряду с 637 номерами журнала, ежеквартально выходившими «Историческими тетрадями» и издававшимися книгами переписка Гедройца, прежде всего с Юлиушем Меровским, но и с другими его важнейшими сотрудниками и авторами (Витольдом Гомбровичем, Ежи Стемповским, Мельхиором Ваньковичем и др.) была тиглем идей «Культуры», а сегодня стала сокровищем и в некотором смысле надеждой польской культуры.

Авторы «Культуры» представляли собой очень странную стаю. На протяжении своего существования «Культура» напечатала около 2,5 тысяч авторов, представлявших пять поколений, однако круг настоящих, более или менее регулярных сотрудников был куда уже: он насчитывал, может быть, три десятка имен. Попасть на страницы «Культуры» и прочно там закрепиться было нелегко. У Гедройца были очень высокие формальные и интеллектуальные требования. Кроме маленькой группы, которая работала на месте, в Мезон-Лаффите, даже самые близкие авторы «Культуры» были рассеяны по всему свету. Они были отовсюду — из Польши и эмиграции, представляли различные традиции, а также «пережитки» прошлого, но важен был только ум и талант — что и как они могли сказать. Поскольку у Гедройца была страсть и вдобавок везение на молодых или старых, но способных, талантливых авторов, то он собрал вокруг себя не кого попало, а лучшие перья и умы демократической эмиграции (уже упомянутый Меровский, Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский, Чеслав Милош — задолго до Нобелевской премии, Витольд Гомбрович — несостоявшийся нобелиат, Стемповский, Еленский, М.Бронский — псевдоним Войцеха Скальмовского, Кшиштоф Помян, один из самых близких сотрудников Гедройца, соавтор его «Автобиографии в четыре руки» — пока что единственной серьезной, хотя и не доведенной до конца, биографии Гедройца).